

Шеннон Стокер

Крепче на изломе

Трогательная
история
о силе духа...

**Впервые
на русском!**

Шеннон Стокер

Крепче на изломе

«Азбука»

2024

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Стокер Ш.

Крепче на изломе / Ш. Стокер — «Азбука», 2024

ISBN 978-5-389-35317-6

Четырнадцатилетняя Твайла мечтает о классной школьной жизни, живет хоккеем и готовится к самому важному матчу сезона. Но внезапные приступы тошноты и постоянная усталость ставят ее планы под угрозу. Боясь потерять место в команде и показаться слабой, она делает вид, что все в порядке. Врачи уверяют, что ничего серьезного нет, пока хроническое заболевание не вмешивается в привычную жизнь девочки настолько, что меняет все, к чему она привыкла. Пока дружба трещит по швам, спортивные планы рушатся и уверенности в себе становится все меньше, Твайле предстоит сделать самое трудное: добиться того, чтобы ее наконец услышали. «Крепче на изломе» — это теплая, честная и глубоко трогательная история о взрослении, потере и обретении надежды в моменты, когда даже самые близкие люди становятся почти чужими. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-35317-6

© Стокер Ш., 2024
© Азбука, 2024

Содержание

Глава 1. Бесславиe	6
Глава 2. Черт! Черт! Черт!	12
Глава 3. Мама и то самое дерево	16
Глава 4. Снежный шар	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Шеннон Стокер Крепче на изломе

*Если пол уже ушел из-под ног
или тьма поглотила тебя целиком...
Если когда-нибудь ты падал духом,
разбивался на кусочки
или трещал по швам,
а твоя жизнь рушилась прямо на глазах...
Тогда переворачивай эти страницы.
Смотри в них, как в окно.
Ты не один.
Я тебя вижу.
Давай выздоравливать – вместе.
Дорогой читатель, эта книга для тебя.*

Посвящается Грегу, Кэссиди и Тай – вы мои золотые изломы.

Shannon Stocker
STRONGER AT THE SEAMS

Copyright © 2024 by Shannon Stocker
All rights reserved

© О. И. Василенко, перевод, 2026
© Издание на русском языке. ООО «Издательство Азбука», 2026
Издательство Азбука®

Глава 1. Бесславиe

Меня замутило от приторно-сладкого запаха, наполнившего машину. Вообще-то, как и все четырнадцатилетние подростки, я обожаю мороженое. Но сегодня от одной мысли о нем к горлу подступала тошнота. Вульфи, причмокивая, слизывал подтаявшее мороженое с краев стаканчика.

Фу!

– Твай? – Папа прищурился, глядя на меня в зеркало заднего вида. – Во-первых, ты отказалась от сладкого. А теперь еще и кривишься. Опять. Скажи мне честно... ты нормально себя чувствуешь?

Я вцепилась в лежавшую на коленях клюшку с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Папа не из тех, кто любит поговорить о собственных чувствах, зато в последнее время слишком озабочен моими. Едва успели купить мороженое, а он уже третий раз спрашивает про мое самочувствие. Ну разумеется, мне и в самом деле нехорошо. Всю неделю проблемы с желудком, приступы тошноты накатывают безо всякой причины. Но я в этом ни за что не признаюсь: а вдруг запретят участвовать в летнем турнире по хоккею на траве? Я слишком долго и слишком усердно старалась на него попасть. И слишком многое от него зависит. Если я просижу на скамейке запасных из-за дурацкого расстройства желудка, то на следующий год меня ни за что не возьмут в основную команду школы. А кроме того... в этом году победа будет нашей. Есть у меня такое предчувствие.

– Все в порядке, папа. – Я притворилась, будто с головой погружена в созерцание пейзажа на любимой объездной. С одной стороны вдоль извилистой дороги выстроились дубы, за которыми иногда проглядывает речушка, а с другой высится скала с зазубренными уступами. Зимой с камней свисают сосульки – толстые и длинные, как сталактиты. Когда мы с братом были маленькие, каждый раз, проезжая мимо, папа принимался рассказывать про них, подражая речи снеговика из рождественской сказки, а мы покатывались со смеху. Лучше бы он и сейчас притворялся снеговиком, а не играл в сыщика, задающего слишком много вопросов.

Краем глаза я видела, что папа продолжает внимательно смотреть на меня в зеркало заднего вида.

– Осенью на этой дороге будет красотища, верно? Повсюду желтое и оранжевое... – сказала я и затихла, словно погрузилась в свои мысли.

Украдкой посмотрела на папу, проверяя, купился ли он на мою хитрость.

Папа приподнял бровь. Я вздохнула:

– Я просто... не хочу есть прямо перед игрой, понимаешь? Сахар не идет мне на пользу, когда нужно бегать.

Папа прищурился.

– Твай, а знаешь что? – Вульфи слизывал соленую карамель, которая растеклась по пальцам, и совершенно не замечал напряжения. – От мороженого температура тела повышается. Представляешь?

Не перестаю удивляться безумным фактам, которые мой братишка запикивает себе в голову. Вульфи вылизал ладошку и перешел на мороженое.

– Погоди... То есть от него тело становится теплее? – спросила я.

– Угу. А ты знала, что нужно двенадцать фунтов¹ молока, чтобы сделать один контейнер мороженого?

Я ухмыльнулась:

– Контейнер какого размера?

Такой вопрос наверняка застанет брата врасплох. Ни один пятиклашка не запоминает подобные вещи. Даже...

– Объемом в один галлон², – ответил Вульфи. – А ты знала, что популярнее всего ванильное мороженое? Я уверен, что те, кто выбрал в том опросе ванильное, никогда не пробовали соленую карамель с кусочками шоколада. Не сказать, что я не люблю ваниль, но это далеко не самый лучший вкус. Может быть, он популярен из-за пирожных.

Вульфи вонзил зубы в вафельный рожок.

Я наклонила голову:

– Из-за... пирожных?

– Та. Пирошное фкушнее ш фанилью. – Из рта Вульфи летели вафельные крошки.

– Фу-у-у... Вульфи! Ты на меня плюешься!

– Вульфи! Будь добр не рассыпать еду в машине, или я тебе больше никогда не позволю тут есть!

Невзирая на суровые интонации в голосе папы, Вульфи откинул голову и беззвучно засмеялся, широко открывая рот.

Противно до тошноты.

Меня снова замутило, и в памяти всплыли слова мамы: «На все есть свои причины, Твайла». После смерти мамы прошло уже пять лет, но в это мгновение она словно сидела рядом со мной, проводя тонкими ухоженными пальцами по черным, гладко зачесанным волосам, и шептала мне на ухо. Мама обожала крылатые выражения. *Ты то, что ты ешь. Будь собой – все остальные роли уже заняты. Не переживай из-за пустяков.* Она знала миллионы таких фраз, но больше всего любила эту: «На все есть свои причины».

Иногда я это очень хорошо понимала. Если споткнулся, то, скорее всего, не смотрел под ноги. Если завалил тест, то, возможно, стоило учиться усерднее. Если шел дождь, то, наверное, деревьям и цветам требовалась влага. Но были случаи, когда я никак не могла найти никакую причину, как бы ни старалась. Например, что ж такое творится в последнее время с моим желудком, черт возьми?

Голос папы вывел меня из задумчивости.

– Хотите, шутку расскажу? – Он ухмыльнулся, а мы с Вульфи переглянулись с видом «очередная дурацкая шуточка от папы».

– Что выглядит как коричневая сарделька?

¹ Один фунт равен примерно 450 граммам. – Здесь и далее примеч. ред.

² Один галлон равен примерно 3,7 литра.

Ну да. Очередная дурацкая шуточка.

Папа не стал дожидаться ответов.

– Жареная сарделька! – засмеялся он. – Сообразили?

Одной рукой он держал руль, а другой захлопал себя по колену.

Вульфи снова начал плевать крошками, заходясь в приступе хохота. Фу-у-у! Мой телефон звякнул.

ЭБ: Ты где?

Мы с Эмилией всегда встречаемся на парковке за десять минут до разминки и вместе идем на поле, а затем занимаем левый конец скамейки, куда ставим наши бутылки с водой. Я проверила время: до разминки двенадцать минут. Застучала пальцами по экрану:

Я: Без паники. Уже подъезжаю.

Мы въехали на большую переполненную парковку. Люди со складными стульями и пляжными зонтами брели в направлении трибун и тащили с собой термосумки и мелких детишек. Прикрывая глаза от солнца, я выглянула в окно. Кучевые облака закрывали небо в достаточной степени, чтобы мы не изжарились. Обожаю кучевые облака. Днем они дают лучшую тень. А когда они плывут по небу на закате, то кажется, будто в них можно воткнуть палочку, как в сладкую вату, откусить кусочек – и он растает на языке. Но сегодня они выглядели как комочки медицинской ваты: пушистые, красивые, белые.

Это наша последняя игра перед летним турниром. Пока мы выигрывали все матчи, хотя некоторые совсем с небольшим отрывом... Но и «Красные орлы» оставались непобежденными. От сегодняшней игры зависело положение нашей команды в турнирной сетке. Каждый из нас должен не только показать себя с лучшей стороны, сегодня нам нужно думать о команде в целом. Каждый должен быть готов пасовать.

Даже Линди.

Ага, раз мечталась.

Мама часто цитировала легенду баскетбола Майкла Джордана: «Талант выигрывает матчи, а слаженная команда и ум – чемпионаты».

Я нахмурилась.

«Если бы ты была здесь, то обязательно нашла бы нужные слова, – подумала я. – Даже для Линди».

Но мамы здесь не было. У папы благие намерения, но он не знает, что делать с девчачьими проблемами. Каждый раз, когда я пыталась поговорить с ним на подобные темы, он внезапно вспоминал о работе или срочно хотел в туалет.

Я мысленно прошла по списку, постукивая ногой на каждом слого.

Собрать волосы в хвост, перехваченный в нескольких местах резинками.

Галочка.

Щитки для голеней. *Галочка.*

Футболка с синими рукавами. *Галочка.*

Капа для зубов. *Галочка.*

Защитная маска. *Галочка.*

Ключка. *Галочка.*

Потереть любимый снежный шар на удачу. *О-о-о... черт!*

Эмилия всем сердцем верила, что, если я не потру снежный шар, мы сгорим в огне... этого, ну что там противоположно славе? Бесславие?

В огне бесславия, да.

Сколько я помню Эмилию, она была одержима суевериями. В детстве я думала, что ее просто так воспитали. У нее дома кристаллы и самоцветы висели повсюду на ниточках или лежали в блестящих белых мисках. Постоянно дымили благовония, изгоняя негативную энергию. Из поколения в поколение в семье Эмилии передавались разнообразные индейские ритуалы – от ее прапрабабушки, первой шаманки в роду. Она давным-давно умерла, и теперь традицию продолжала мама Эмилии, тоже духовная целительница.

Когда я подросла, то поняла, что суеверия и духовность – это совершенно разные вещи. Мама Эмилии разбиралась в лекарственных травах, практике рейки и акупунктуре лучше, чем любой другой человек из тех, кого мне довелось повстречать. Ее лечение основывалось на любви, благодарности, прощении и сострадании. Тогда как суеверия Эмилии, похоже, исходили из страха. Из желания все подчинить своей власти.

Наша общая подруга Анна, как и я, не верила в приметы, но мы обе не видели вреда в том, чтобы подыгрывать Эмилии, если ей от этого легче. В конце концов, у каждой из нас были свои причуды: Анна грызла ногти и предпочитала тихо наблюдать из своего уголка; я же любила докапываться до сути, выяснять мельчайшие подробности. Возможно, именно поэтому мы всегда неплохо ладили: я никогда не говорила вслух об их причудах, а девчонки – о моих.

И именно поэтому я потирала снежный шар перед каждым матчем. Каждым, кроме сегодняшнего. Меня опять замутило, когда я собирала хвост резинками, а потом папа закричал, что мы опаздываем.

Я немного заволновалась, но все же взяла себя в руки. Нет уж. Не нужен мне никакой снежный шар, чтобы выиграть. Нужно просто приложить все силы. И мозги.

Папа разглядывал парковку, пока не заметил свободное местечко под раскидистым дубом. Он всегда старался найти тенок, чтобы на обратном пути кожаные сиденья не обжигали нам ноги. В штате Кентукки солнце не обугливает кожу до волдырей, как во Флориде, но все равно жжется.

Я едва помнила старое ранчо, где мы когда-то жили – до того, как маме предложили работу ветеринара для экзотических животных в Луисвилле, здесь, в Кентукки. Мама обожала лошадей, но больше всего она любила необычных животных. Она училась в тематическом парке «Буш-гарденс»: оперировала львов и принимала роды у жирафов. Мамины рассказы я слушала с открытым ртом. На стене папиной спальни до сих пор висит фотография: мама в хирургическом костюме широко улыбается над гориллой под анестезией. И хотя после «Буш-гарденс» большую часть своей карьеры мама занималась щенками, котятами и лошадьми, на самом деле она никогда не отказывала в помощи любому животному, которое дохромало или доползло до нашего порога. Змеи, белки, черепахи – она помогала всем.

Колеса прокатились по лужайке, и тени проползли из передней части салона назад. Когда машина остановилась, солнце светило только на водительское сиденье.

Ну, папа в своем репертуаре.

Не успели мы выйти из машины, как Эмилия бросилась мне навстречу. Я улыбнулась двум блондинкам, похожим на принцесс, которые махали с трибун: Анна и ее мама, доктор Роуз. Когда кто-нибудь получал травму, доктор Роуз всегда приходила на помощь. Хотя по специальности она была детским неврологом, однажды она наложила повязку на сломанную кисть, используя свернутую газету, полотенце и эластичный бинт. С тех пор ее и прозвали доктор Макгайвер – в честь героя телесериала, который умел выбираться из любой передрыги, используя только подручные средства. Но я ее по-прежнему называла «мама Роуз».

Анна сбежала по ступенькам с трибуны и помчалась в нашу сторону.

Папа повернулся ко мне, вытянул руки: одна ладонью вверх, а другая – вниз.

– Готова?

Проходившие мимо девчонки из основной команды глянули на нас. Я заколебалась: а вдруг они сочтут наше рукопожатие дурацким.

Папина улыбка поблекла.

– О. Не хочешь... Ты не... Тогда пропустим на этот раз?..

Я смутилась и опустила глаза.

– Пожалуй, – пробормотала я.

Папа убрал руки.

– Эй! – окликнул он.

Я подняла взгляд.

– Покажи им всем, Твайлайт! – Он подмигнул.

Я с облегчением выдохнула и подмигнула в ответ.

Родители начали называть меня Твайлайт, «сумерки», когда я стала выяснять значения имен и обнаружила, что мое имя также означает и мое любимое время суток. Тот момент сразу после восхода или перед самым закатом, когда мир светится яркими оттенками оранжевого, красного, розового и золотого. На мгновение наступает тишина – только квакают лягушки, стрекочут сверчки и шепчет ветер.

Волшебное время.

Однажды я загуглила, почему в сумерках небо словно вспыхивает пламенем: короткие световые волны, синие и фиолетовые, рассеиваются молекулами воздуха сильнее, чем все остальные цвета спектра. Когда солнце низко над горизонтом, свет проходит через более толстый слой воздуха, и короткие световые волны разбегаются в стороны, не доходя до наших глаз. А другие цвета – оранжевые, желтые и красные – остаются видны. Поначалу я хотела узнать про это явление все, что можно... Но мне почему-то показалось неправильным расшифровывать красоту этого времени суток. Тогда я закрыла ноутбук и больше не задавалась такими вопросами.

Разумеется, зовут меня вовсе не Твайлайт, а Твайла – как знаменитую танцовщицу Твайлу Тарп. Мои родители познакомились в колледже, где папа был пианистом для всех солисток. Он говорил, что у мамы был самый ангельский голос из всех, которые он слышал... А увидев, как она танцует, он и вовсе голову потерял.

«Она скользила по полу, как стрекоза по воде, – говорил папа. Его слова всегда вызывали у мамы улыбку. – Легкая, воздушная, нежная и в то же время... непредсказуемая». И тогда они оба смеялись.

Я скучала по тому смеху.

Если закрыть глаза и прислушаться, я все еще могла его услышать... звенящий, как звонкие китайские колокольчики на ветру. Но чем дальше *тот самый день*... тем призрачнее тот смех.

Тем призрачнее *она*.

– Твай! Ты идешь? Пора уже! – Собранные в толстый хвостик черные волосы Эмилии били ее между лопаток. Она размахивала клюшкой по траве туда-сюда, словно пытаясь обойти защитника. Я завидовала тому, как ее и так совершенная кожа красиво загорела за лето.

Моя просто покрывалась веснушками и сгорала, как у папы.

Анна тащила за Эмилией и смеялась.

– Эм, ты так круто машешь клюшкой, что вы точно выиграете!

Эмилия подмигнула в ответ.

– Ох! – Я потрогала плечо, которое казалось голым без чехла для клюшки. – Я забыла...

Папа бросил мне длинный чехол бирюзового цвета.

– Спасибо! – сказала я, закидывая его на плечо.

– Эй! – Вульфи, который висел на ветке ближайшего дерева, при виде моих подружек тут же спрыгнул и помчался к нам.

– Здорово, приятель! – Эмилия взлохматила ему волосы.

Анна обняла его.

– А вы знаете, что не бывает хоккейных клюшек для левшей? – спросил он.

– Понятия не имела! А почему? – заинтересовалась Эмилия.

– Потому что они приводят к тра-а-авмам, – заявил Вульфи.

– Так, так, так... – От тягучего южного выговора Линди у меня кровь застыла в жилах. –

А вот и Вульфман, наш маленький мистер всезнайка.

Ну почему мы должны играть с ней в одной команде?

Эмилия, пританцовывая, подошла к Линди вплотную – так близко, что должна была почувствовать ее мятное дыхание.

– Что ж, – Эмилия будто выплевывала каждое слово, – я думаю, рядом с тобой, которая не знает ничего, любой будет выглядеть всезнайкой. – Она наклонилась еще на дюйм³ ближе, стискивая зубы и идеально копируя протяжное произношение Линди. – Не так ли?

– Девочки! – Тренер Гивенс помахала нам. Ее голос разрядил обстановку. – Игра начинается! Пора!

Линди, проходя мимо, фыркнула и въехала в Эмилию плечом. Анна схватила подругу за руку, прежде чем та успела взорваться.

– Она того не стоит, – прошептала Анна.

Анна, чей рост едва дотягивал до пяти футов⁴, умела взять командование на себя в критических ситуациях, чем всегда меня немного удивляла. Она широко развела руки в стороны, приглашая нас всех обняться.

– Лучший способ отомстить – это выиграть *вопреки* ей, – сказала Анна. – Вы двое – самые сильные игроки в этой команде. «Когда кто-то поступает жестоко или унижает других, вы не опускаетесь до их уровня». Когда она опускается...

– Мы поднимаемся выше! – в один голос закончили мы.

Анна знала, что всегда может привести Эмилию в чувство какой-нибудь цитатой Мишель Обамы. Эмилия обожала влиятельных и сострадательных женщин в политике. Мы шутили, что в школьном альбоме, где для каждого выпускника указывается самое сильное качество, под фотографией Эмилии будет написано: «Скорее всего, изменит мир». А под фотографией Анны: «Скорее всего, будет утешать мир».

Подпись для меня мы пока не придумали.

Мы с Эмилией рванули к хоккейному полю, Анна побежала обратно на трибуны. Меня вдруг затошнило. Одной рукой я схватилась за живот, а другой закрыла рот, стараясь сдержать рвотные позывы.

– Твай! Ты в порядке? – Эмилия остановилась как вкопанная.

Я резко присела и дернула за шнурок.

– Я догоню! Шнурок развязался.

Если Эмилия и заметила что-то странное, то виду не подала. Кивнула и умчалась.

Я завязала шнурки, забросила чехол с клюшкой на плечо. Только бы тошнота прошла! Я посмотрела в небо.

Ну всего лишь разок! Не важно, в чем причина. Пожалуйста, помоги мне выдержать этот матч.

³ Примерно 2,5 сантиметра.

⁴ Примерно 1,5 метра.

Глава 2. Черт! Черт! Черт!

Команда собралась вокруг тренера Гивенс.

– Девочки, слушайте внимательно. Нападающими будут Линди, Твайла и Эрин. Атакующие полузащитники Эмилия и Даниэль. Опорные полузащитники...

Пока тренер, как обычно, давала вводные, я посмотрела на трибуны. Папа помахал. Сидящий рядом с ним Вульфи уткнулся в айпад.

– А теперь, – сказала тренер, – два круга вокруг поля. Марш!

Я рванула с места вслед за остальными, отчасти ожидая, что мне снова поплохееет, но почувствовала только капающий с носа пот и пульсирующий в жилах азарт. К тому времени как мы заняли свои позиции на поле, я полностью пришла в себя.

Прозвучал свисток.

БАЦ! Ключка Даниэлы отправила мяч через поле к Эмили, которая провела его мимо одного, а потом и мимо второго защитника к воротам. Сделала пас Эрин, у которой не было возможности забить гол... тогда Эрин отдала пас обратно Эмили.

– Ну Линди-то открыта, пасуйте! – завопил с трибун знакомый визгливый голос.

Эмилия на мгновение отвлеклась – и этого оказалось достаточно, чтобы защитник забрал у нее мяч. Я сердито покосилась на маму Линди, но Даниэле понадобилось всего пять секунд, чтобы отобрать мяч обратно. Она передала пас Линди, но ключка другого защитника сбила мяч с курса.

И прямо ко мне.

У меня включились рефлексy. Я увидела цель, замахнулась и ударила.

Едва мяч попал в сетку, как новая волна тошноты раскатала меня в лепешку. Я подняла ключку, показывая, что именно я забила гол, и пошла к скамейке, держась рукой за живот.

– Отличный удар! – похвалила тренер, глядя на мою руку. – Ты в порядке?

Она говорила ровным голосом, но было очевидно, что мое состояние ее беспокоило.

Хотя мисс Гивенс тренировала меня всего несколько недель, она достаточно давно жила по соседству со мной, чтобы распознать неладное. Вообще-то, в последние годы именно к ней вся наша улица прибегала каждое лето с разбитыми коленками, головными болями и расстройствами желудка. Обычно и я шла к ней за утешением, когда мне было плохо... Но она же снимет меня с игры, если решит, что я заболела. А я не хотела сидеть на скамейке запасных.

– Мне просто нужно попить. – Я отвела глаза.

Но когда я вернулась в игру, каждый поворот головы обрушивал на меня новую волну тошноты. В конце концов я стала двигаться медленнее, и мячи стали прокатываться мимо меня. Я даже не услышала свисток.

– Твай! Тебя тренер зовет! – Эмилия показывала на скамейку.

Облака рассеялись, и, пока я бежала к скамейке, почувствовала, как стала гореть кожа на шее. Тренер вручила мне бутылку с водой и мокрое полотенце.

– Держи! Попей.

Я послушалась, отчаянно надеясь, что вода поможет.

– Посиди, – скомандовала тренер. И строго посмотрела на меня, сведя брови. Лучше уж с ней не спорить. – Кайис, играешь за нападающего.

Я с размаху плюхнулась на скамейку. Попыталась отделаться от тревожных мыслей, но в ушах все звучали слова мамы.

На все есть свои причины, Твайла.

Ну и что со мной? Подхватила какой-нибудь вирус? Уж точно дело не в дурацком суеверии. Обезвоживание? Плохо спала в последнее время? Я подперла подбородок руками и сосредоточилась на игре. В чем бы ни была причина, я разберусь в этом позже.

– Вперед, «Драконы»! – закричала я.

Кайис и Эрин сделали по две неплохие попытки забить гол, но защита у «Орлов» была железобетонная. А потом, прямо перед концом тайма, Линди стала пробиваться к воротам. Но едва она приготовилась бить по мячу, как защитник перехватил мяч и увел его обратно – до самых наших ворот.

«Орлы» получили очко.

– Линди, ты вообще о чем думаешь? Как ты позволила перехватить мяч?!

Услышав вопли мамы Линди с трибун, тренер Гивенс сверкнула глазами и сжала кулаки. Линди бросила клюшку на траву. Я посмотрела на папу: он стоял на трибуне со сложенными на груди руками, опустив голову. Как будто уснул.

По крайней мере, он никогда на меня не орет.

Когда прозвучал свисток к окончанию тайма, я набрала в легкие воздуха и встала. Эмилия без энтузиазма показала мне палец вверх и склонила голову набок. «Ты в порядке?» – беззвучно спросила она. Я кивнула.

– Мисс Гивенс? Я попила. Мне лучше, – соврала я.

– Хорошо, – сказала она, собирая команду вокруг себя. – Девчата, вы хорошо держитесь против сильного противника. Я знаю, что вы устали и солнце припекает. Не забывайте пить, используйте охлаждающие полотенца и отдохните во время перерыва. Я хочу, чтобы нападающими во втором тайме были Твайла, Эрин и Кайис. Эмилия и Линди – полузащитники, будете помогать нападающим. А затем...

– Э-э-э... мисс Гивенс? – Обычно уверенный голос Линди дрогнул. – Вы сказали, что я буду в полузащите. Разве вы не имели в виду... в нападении?

– Нет, Линди. Во втором тайме я поставлю тебя в полузащиту, позади Твайлы. Там у тебя все прекрасно получится.

– Но...

– Линди... – Мисс Гивенс выразительно посмотрела на нее. – Тренер здесь я. И если ты еще раз бросишь клюшку, то окажешься на скамейке запасных.

Услышав свисток, тренер дважды хлопнула в ладоши.

– «Драконы»! На поле!

Второй тайм не давал ни секунды передышки: мы бегали туда-сюда, высунув язык. Каждый раз, когда одна команда вот-вот собиралась забить гол, вмешивались защитники другой или вратарь в последний момент эффектно отражал удар. В конце концов, когда до конца игры оставалось три минуты, самый быстрый из «Красных орлов» обвел всех наших защитников. Худошавая девчонка-нападающий идеально влепила мяч в верхний угол ворот – и мы оказались в проигрыше: два – один. Тренер попросила тайм-аут.

– Девчонки. – На мгновение она закрыла глаза и медленно выдохнула. – Чтобы получить хорошее место в турнирной сетке, мы должны выиграть этот матч. – Она открыла глаза и многозначительно посмотрела на каждую из нас. – Мы справимся?

– Мы справимся, – пробормотали все. Линди устала на свои бутсы.

– Я спросила, мы справимся? – Губы тренера были растянуты в улыбке, но серьезный взгляд все еще был направлен на Линди.

Теперь все откликнулись громче, а Линди – едва слышно.

Пока я бежала обратно на поле, над головой кружили грифы. Я невольно задумалась, за кем это прилетели падальщики.

Мы заняли свои места. Прозвучал свисток, Эмилия обвела троих «Орлов», прежде чем заметила, что Эрин открыта. Эрин попыталась забить, но мяч попал в бутсу противника. Пришлось объявить перерыв – всего лишь за сорок пять секунд до конца матча. Когда свисток прозвучал снова, Эрин передала мяч Даниэле, которая обманула защитника и отдала пас Линди. Я выбрала местечко и заняла позицию возле ворот. Линди посмотрела мне в глаза...

И рванула к воротам.

Сама.

– Молодец, Линди! Давай! Забей!

Вопли ее матери звучали громче, чем крики всех остальных родителей на трибунах. Только голос тренера их перекрывал.

– Линди! Твайла открыта!

Линди стиснула зубы и припустила еще быстрее. Я глянула на часы.

Двенадцать секунд.

Она мчалась прямо на самую крупную девочку в команде противника, но в последний момент увернулась вправо.

Девять секунд.

Находившийся футах в десяти⁵ от нее защитник, закрывавший Эрин, бросился наперехват, давая возможность Эрин ударить по воротам. Но Линди не сделала пас. Наклонив голову, она продолжала вести мяч вперед.

Шесть секунд.

Защитник, закрывавший Эрин, подобрался вплотную к Линди. Я стояла перед воротами, открытая, и заорала:

– Линди!

Она сверкнула на меня глазами – едва заметно, но я увидела.

Линди не собиралась давать мне пас. Никогда в жизни она не даст мне пас. Линди подняла клюшку, собираясь ударить по мячу...

И тут прозвучал свисток.

Матч закончился. Вот и все... мы проиграли.

Черт.

Черт! Черт! Черт!

⁵ Примерно в 3 метрах.

На трибуне папа вскинул голову. Наши взгляды встретились, и он поднял палец вверх – с вопросительным видом. Неподалеку Вульфи носился по кругу, пока у него в глазах все не поплыло и он не врезался в мусорный бак. Я покачала головой. Папа пожал плечами.

И хотя это Линди зажала мяч, у меня свело живот. Ну почему я не сумела продержаться всю игру? Какого черта меня постоянно тошнит? Что я делаю не так?

И в конце концов... не проиграли ли мы из-за меня?

Глава 3. Мама и то самое дерево

Мертвая тишина.

Всю дорогу до дома в машине никто ни слова не сказал. Телефон звякал оповещениями: мне написали и Эмилия, и Анна, но в кои-то веки совсем не хотелось отвечать. Болтать было неинтересно, а радио в машине папа больше не включал. Когда-то музыка сопровождала нас всегда и везде, но это было до того, как умерла мама. Даже Вульфи теперь молчал, хотя лишь потому, что залип в приставке. Поэтому я слушала шорох шин, приглушенную музыкальную заставку игры «Марио» из наушников Вульфи и редкие автомобильные гудки вдалеке. Когда мы наконец подъехали к дому, я едва не выпрыгнула из машины еще до того, как она остановилась.

– Полегче, Твай, подожди, пока я припаркуюсь! – попросил папа. – Вульфи, а не заигрался ли ты? Давай-ка чем-нибудь другим займемся.

– Пойду прогуляюсь, – заявила я.

Папа повернулся ко мне:

– К иве?

Я кивнула в ожидании разрешения.

– В последнее время ты и так часто туда ходишь. И уже почти пора ужинать. Ты могла бы помочь накрыть на стол.

– Я ненадолго. И помогу тебе, когда вернусь, – пообещала я. Не дождавшись ответа, я добавила: – Ты же знаешь, я люблю навещать ее, когда у меня выдался трудный день.

Папа свел брови. Схватился за переносицу.

Когда мама умерла, папа превратил ее в дерево. Ну, не в смысле, что взмахнул волшебной палочкой и – опа! Нет. Он нашел классную компанию, которая могла посадить почти любое дерево в специальную урну с грунтом, удобрениями и прахом покойного. Для мамы папа выбрал молоденькую плакучую иву, а потом посадил ее возле ручья на нашем заднем дворе. Он сказал, что она выглядит изящно и элегантно – совсем как мама.

В свои пять лет Вульфи был слишком мал, чтобы иметь собственное мнение по этому поводу. А я? Я думала, что это красиво. И печально. Может быть, печально красиво. Как красно-оранжевый закат, который каплями крови сочится сквозь глубокую черноту неба, прежде чем ночь поглотит его целиком.

Теперь ива уже больше двадцати футов⁶ в высоту, и ее ниспадающие ветви покачиваются на ветру, словно она отлично понимает, что я чувствую. Дерево, выросшее из праха мамы, дает мне ощущение ее присутствия рядом с нами. А еще гибкая и неприхотливая ива – это символ свободы. Уж лучше думать, что мама свободна, чем...

Ну, просто так лучше.

– Пап? – не выдержала я, так и не дождавшись ответа.

Он вздохнул и отпустил переносицу.

– Ладно, Твай. Но пожалуйста, не опаздывай к ужину.

От одной мысли о еде желудок скрутило.

– Конечно!

Папа повернулся к Вульфи, который достал наушники и вопросительно поднял брови.

– Вылезай! – сказал папа.

– А можно, я закончу уровень? Ну пожалуйста! Я его почти прошел. Ну пожалуйста, папа!

Папин затылок мягко стукнулся о подголовник сиденья.

– Ладно.

Мы все вышли из машины, и я последовала за папой в дом, чтобы сбросить чехол с клюшкой и телефон в кучу плащей, школьных принадлежностей и обуви, громоздившуюся в прихожей. Переобулась в кроссовки и схватила с кухонного стола свой дневник. Мама Роуз подарила его мне со словами: «Ведение дневника помогает справиться с отрицательными эмоциями». Я никогда не считала себя писателем, но мне и правда становилось легче после выписывания чувств на бумагу. По почерку можно было определить мое состояние. Округлыми буквами я обычно писала про друзей или хорошую оценку. А если буквы топорщились углами, то, скорее всего, у меня выдался неудачный день.

Сегодня как раз такой.

Я проскочила через двор и исчезла в знакомом лабиринте дубов и кленов. Уж кому-кому, а мне камни и лужи не помеха: по этой тропинке я могу бежать с завязанными глазами. Наконец впереди показалась ива – сразу за склоном, где мы с Вульфи играли, когда были совсем маленькими.

Теперь на этом склоне мамины листья щекотали землю, а корни пили воду из ручья.

От этой мысли на сердце стало и радостно, и грустно одновременно.

Конечно же, больше всего я любила приходить сюда в сумерках. Солнце выглядывало из-за деревьев, отчего ручей казался наполненным алмазами. Если закрыть глаза, то звук текущей воды похож на стук дождя по железной крыше. Как будто лес плакал вместе со мной.

Я скинула кроссовки, засунула в них носки и пошла по ручью к поваленному кипарису, который почти дотягивался до противоположного берега, где росла ива. Знакомое ощущение от прохладной воды успокоило желудок и рассеяло тревогу. Рачки шарахались от моих ног, а головастики прятались, поглубже зарываясь в ил. Я обожала запах летнего леса. Например, запах кустиков кизила, покрытых лишайником.

Я вскочила на поваленный кипарис и подтянула колени к груди, прижимая к себе дневник. Сороконожка металась туда-сюда, словно никак не могла решить, где найдется еда. Я знала, что сороконожек лучше не трогать. Давным-давно папа научил меня, что иногда, хоть и очень редко, они могут укусить. Папа был без ума от ползучих тварей не меньше, чем мама от своих пушистиков. Я вытянула ноги, стараясь не потревожить сороконожку, и открыла дневник.

Дорогая мама!

⁶ Более 6 метров.

Сегодня я снова пришла к твоему дереву. Вокруг снует множество разной живности. Ты наверняка этому рада.

Интересно, можешь ли ты почувствовать меня здесь.

Мам, сегодня все наперекосяк. Мы проиграли матч и теперь не получим хорошего места в турнирной сетке. # Тренер не стала нас ругать, но я все равно невольно думаю, что до окончания школы так и не попаду в основную команду. Линди не захотела мне пасовать, а потом не успела забить... и мне почему-то кажется, что это моя вина. Как будто я в чем-то ошиблась.

Как бы мне хотелось, чтобы ты была здесь и подсказала, что мне делать. Или НЕ делать. Ты всегда казалась такой уверенной в себе. Помнишь, ты говорила, что на все есть свои причины? Ну... Я переживаю, что мы проиграли сегодня, потому что меня тошнило. Если команда узнает, что я вышла на поле не совсем здоровой, разве они не возненавидят меня? Разве Эмилия не разозлится, если обнаружит, что я не потеряла снежный шар на удачу? Я знаю, мы не поэтому проиграли... но ведь она все равно разозлится, да?

Просто мне кажется, будто я подвела команду.

А еще я не понимаю... почему в последнее время я себя плохо чувствую. И почему меня так тошнило именно сегодня, а не в любой другой день? Я переела? Или съела слишком мало? Нужно было больше пить? Что со мной происходит?

Я верю, что на все есть свои причины, мама. Правда верю. Вот только хотелось бы знать, в чем же тут причина.

Я по тебе скучаю.

Целую,

Твайла

Когда я наконец закрыла дневник, сороконожка уже исчезла. Я осмотрелась, чтобы убедиться, не придавила ли ее ненароком, но так ее и не нашла. Оставалось надеяться, что она не свалилась в воду, пытаясь обогнуть непрошеную гостью, захватившую ее бревно.

Солнце все еще висело довольно высоко, но мой внутренний будильник громко звенел. Папа уже ждал меня. Я это чувствовала.

Одну за другой я окунула ноги в прохладную воду и встала. От быстрых шагов ил закручивался водоворотами, и вся живность разбегалась. Но если идти со скоростью сороконожки, то вода оставалась прозрачной. Я вглядывалась в ручей в поисках любимых находок – красноухих или расписных черепашек. Сегодня не повезло.

Ну кто бы сомневался.

Однако, когда я уже выбиралась на берег, глаз зацепился за что-то. На том месте склона, где когда-то любили играть мы с Вульфи, ерзала каролинская коробчатая черепаха.

Опрокинутая на спину.

Малыш бешено сучил ножками, будто пытался перегнать самого быстрого зайца на свете. Я была почти уверена, что это мальчик, потому что у него была впадина на пластроне, нижней части панциря. Этому меня тоже научила мама. Однако наверняка я узнаю, когда посмотрю на него поближе. Яркие оранжево-черные узоры на панцире были похожи на ковры племени навахо, висевшие в доме Эмилии. А глаза? Они горели красным, как цветы рудбекии в саду мамы Роуз.

– Не пугайся, малыш! Я тебе помогу, – прошептала я.

Стоило протянуть к нему руку, как он спрятался в панцирь.

– Ой... ну извини, приятель.

Я перевернула его на живот и отошла, прячась в тени ивы. Через несколько минут он вытянул ножки и голову наружу и заковылял прочь.

Как будто ничего и не случилось.

Затаив дыхание, я наблюдала за ним, пока он не исчез за деревьями. А потом посмотрела на то место, где нашла его. И как только он ухитрился опрокинуться?

В чем была причина?

Глава 4. Снежный шар

В моем снежном шаре, если его потрясти, вместо снежинок плавали звездочки вокруг полумесяца. Наблюдая за ними, я немного успокоилась после перепалки с папой.

– Ты опоздала!

Папа сердился. И я тоже.

– Извини! – Избегая его взгляда, я прошла через кухню. – Я не голодная. Пойду наверх.

– Твайла, тебе нужно поесть.

– Не сейчас, пап.

– Если не сейчас, то когда?

– Не знаю. Попозже, ладно?

Слова прозвучали резче, чем я хотела, но не было сил объяснять то, что я и сама толком не понимала. Просто я точно знала, что не хотела есть. Поэтому шумно протопала по лестнице в свою комнату, оставив папу и Вульфи с разинутыми ртами. Хотя я такого и не планировала, но все равно получила желаемый результат: они оставили меня в покое на весь вечер.

Полой рубашки я протерла стеклянный шар, лежавший на блестящей серебряной подставке с выгравированными на ней словами «С Богом, малышка Твайла!». Если повернуть ключ, то внутри подставки начинал вращаться металлический барабан со штырьками, а зубья гребенки вибрировали, создавая мелодию. Один из маминых друзей из колледжа мастерил музыкальные шкатулки и по ее просьбе сделал этот снежный шар, играющий мелодию «С Богом». Я снова потрясла его, и вместе со звездочками вихрем взвились воспоминания.

Мне было всего пять, когда мама подарила мне этот шар. Мы только что переехали из Флориды, и вся моя коллекция мягких игрушек потерялась во время переезда. Я рыдала на полу, уткнувшись лицом в ладони, когда почувствовала тепло маминой руки на спине. Я подняла голову, и мои грустные голубые глаза встретились с ее темно-карими. Она обхватила меня руками и нежно покачала в объятиях.

– У меня есть кое-что, чтобы тебя утешить, – сказала она. – Я ждала подходящего момента, но... думаю, такой момент настал.

Я помню, как мама скрылась в своей комнате, а я подумала, не пойти ли за ней. Но вместо этого закрыла глаза и слушала, как в гостиной папа напевает Вульфи песенку. В конце концов мама положила мне на колени что-то тяжелое и явно хрупкое.

– Я заказала это для тебя.

Когда она развернула сокровище, то я ахнула. Это был не один из тех пластиковых снежных шаров, которые я видела в сувенирных магазинчиках во Флориде – с ободранной краской и обычными белыми снежинками внутри. Этот был действительно сделан из стекла и настоящего серебра, а с верхнего рожка покрытого блестками полумесяца свисала звездочка из кристалла «Сваровски». И это был не просто снежный шар... а еще и музыкальная шкатулка.

Когда мама повернула ключик, заиграла наша любимая мелодия. От удивления я затаила дыхание и провела пальцами по выгравированным на подставке словам:

С БОГОМ, МАЛЫШКА ТВАЙЛА

Как объяснила мама, «с Богом» говорят, когда желают кому-то счастливого пути и удачи. А еще это была песенка, которую она пела мне каждую ночь, со дня моего рождения до *того самого дня*. Песенку писали для мальчика, но мама изменила слова для меня.

А теперь, сидя на полу своей комнаты, я тихонько поглаживала выгравированные слова, смакуя воспоминания как самую сладкую и единственную в своем роде конфетку. Я повернула ключик сбоку, и шкатулка заиграла. Когда в доме было достаточно тихо, вот как сейчас, я все еще слышала мамин голос, который подпевал:

С Богом, моя малышка. Сладких тебе снов...

Правда, в последние пару лет мамин голос стал выветриваться из памяти. Иногда я замечала, что приходится вслушиваться изо всех сил, пока он наконец не зазвучит в голове. Неужели в конце концов время поглотит ее голос полностью, как ночь поглощает закаты? Я зажмурилась, отмахиваясь от таких мыслей.

Очень осторожно я снова потрясла снежный шар. Звездочки взвились вокруг полумесяца и поднялись вверх. А когда я перестала трясти, снова поплыли вниз, как листья ветренным осенним днем. Их движение успокаивало.

– Твайла?

Голос Вульфи вернул меня к реальности. Я вздохнула.

– Чего тебе, Вульфи?

Он ошибочно понял мои слова как приглашение войти.

– А ты знаешь, что в микроволновке разрезанные виноградины вспыхивают огнем?

Я сердито покосилась на зажатую в его руке книгу «Невероятно, но факт».

– Вульфи, только не сейчас.

Свободной рукой он вытащил из своего кармана мой телефон и бросил его на кровать.

– Держи. Внизу оставила. А ты знаешь, что поджарка из фасоли не всегда жарится? А еще, что крокодилы...

– Вульфи, я серьезно. Не сейчас.

– Крокодилы могут два года обходиться без еды. Целых два года! Я обалдел, когда узнал, что львы могут не есть две недели, а тут...

– Вульфи! – завопила я. – Мне не до твоих дурацких фактов!

Он посмотрел на меня круглыми глазами.

– Да? Ну ладно. Хочешь, вместе книжку читаем? Давай «Хранителя забытых городов»?⁷ Я готов слушать, как ты будешь ее мне читать. Столько, сколько захочешь. И я даже не буду ныть.

Обычно я бы, не раздумывая, ухватила за возможность поделиться с Вульфи своей любимой серией. Он пока не влюбился в книги настолько, насколько их любила я в его воз-

⁷ Фэнтезийный цикл американской писательницы Шеннон Мессенджер.

расте. Я была убеждена, что его захватит история Софи Фостер – если дать ей такую возможность.

Но только не сегодня.

– Вульфи, я, пожалуй, уже спать пойду.

– Ну а хочешь...

И тут словно искра добралась по шнуру до мультяшного динамита.

– Ты меня вообще слушаешь? Боже мой! У тебя что, мозги расплавились? Я ничего не хочу – кроме как думать о том, почему мы сегодня проиграли, ясно? Ты меня понял?

Вульфи отшатнулся, нижняя губа задрожала. И вдруг он нахмурился:

– Почему ты всегда ищешь причину для всего? Тебе не приходило в голову, что иногда просто так получалось?!

Его слова показались мне пощечиной. Я стиснула зубы.

– Выметайся! – прошипела я.

– Отлично! Не больно-то и хотелось тут быть!

Он сердито развернулся и ушел. Я уже открыла рот, чтобы заорать, но тут звякнул телефон. Анна.

АР: Привет. Жаль, что вы сегодня проиграли. Может, вас утешит ночевка у меня?

И почти сразу же новое сообщение в чате – на этот раз от Эмили.

ЭБ: Назовите место. Я организую вечеринку.

Мои пальцы стремительно тыкали в буквы.

Я: Давайте у меня. Кажется, в прошлый раз мы были у Э.

Я услышала, как хлопнула дверь комнаты Вульфи. Он никогда ее не закрывал.

Меня захлестнуло чувство вины. Вульфи всего лишь хотел побыть со мной. Я это знала. Хотя он редко осознавал, когда сам действовал на нервы другим, он всегда чувал, когда окружающие были расстроены. Как мотылек на огонь, он летел к грустному человеку, чтобы получить улыбку в обмен на странные факты. Не следовало мне на него орать.

Я вздохнула.

Присела и вытащила из-под кровати коробку. Завернула свой снежный шар в мамину мягкую футболку с нарисованной на ней ведьмой Эльфой из мюзикла «Злая». Аккуратно уложила его в коробку и задвинула ее обратно под кровать.

Поскрипывая половицами, на цыпочках прошла к комнате Вульфи. Постучала.

– Вульфи?

Не получив ответа, я повернула ручку и заглянула внутрь. Вульфи сидел на полу, спиной ко входу. У его ног растекался и мурлыкал наш толстый рыжий полосатый кот Наггетс. Вульфи возился с кучкой камешков – в основном плоских, разных оттенков красного, желтого и черного. Некоторые были покрупнее. И больше походили на обычные булыжники.

– Что это у тебя за камни? – спросила я.

Вульфи взял красноватый, обхватил его обеими ладонями и отвернулся от меня, как только я сделала шаг в его сторону.

– Сланцы, – пробормотал он.

Я потянулась за желтоватым, и Вульфи оттолкнул мою руку.

– Не трогай! – рявкнул он. – Они легко ломаются.

Я показала на большой серый камень со множеством мелких маленьких пятнышек.

– А как насчет этого? Он тоже хрупкий?

Вульфи фыркнул:

– Глупая! Этот называется МАГ-МА-ТИ-ЧЕС-КА-Я порода. – Он выделял каждый слог так же, как папа играл стаккато на пианино. Внезапно Вульфи распахнул глаза, и по его лицу расплылась улыбка. – А ты знаешь, из чего он состоит?

Я покачала головой и ухмыльнулась. Если бы все ссоры можно было уладить с помощью камней!

– Из лавы!

– Да ну!

Вульфи стремительно подался ко мне, чем вспугнул рыжую полосатую лужицу на полу. Нагнетс прижал уши и запрыгнул на кровать.

– Клянусь! Из лавы! А вот этот, видишь? – Он показал белесый, слегка поблескивающий камешек. – Это кварц.

Он произнес слово «кварц» так мягко, словно боялся и его сломать. Улыбаясь уголком рта, Вульфи наклонил голову и протянул мне свое сокровище. Я повертела камень в руках.

– Откуда ты знаешь, как они все называются?

– Из Интернета, – пожал плечами Вульфи. – Там можно найти что угодно.

Вульфи потянулся и залез в кровать. Штаны с покемонами стали ему коротки. Надо будет напомнить папе, что пора купить Вульфи новую пижаму.

Я села рядом с братишкой, придавив матрас своим весом.

– Вульфи, а ты знаешь, что означает твое имя? – Я хорошенько подоткнула одеяло со всех сторон, закутав братика, словно мумию. Он зевнул и покачал головой.

– «Вольф» – это волк. А «ганг» – это путь или дорога. То есть Вольфганг – это «путь волка». Здорово ведь?

Вульфи пожал плечами. Для мальчишки, который обожал всякие странные факты, он не очень-то интересовался значениями имен.

– А ты знаешь, в честь кого тебя назвали?

Он снова покачал головой. Я легла рядом с ним, и наши лбы почти соприкоснулись.

– Помнишь, когда-то папа часто играл на пианино «Маленькую ночную серенаду» и «Турецкий марш»?

Вульфи задумчиво наморщил лоб, затем широко раскрыл глаза.

– Это та самая быстрая музыка? – спросил он. – Я любил быструю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.